

**ЕРОХОВА
МАРИЯ АНДРЕЕВНА**

доцент кафедры
гражданского и
предпринимательского
права Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики»,
кандидат юридических
наук

УСЛОВИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАЗНЫ ЗА НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ. ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ГК РФ В ПРАКТИКЕ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ЗА 2017 Г.*

Автор иллюстрирует толкование условий ответственности казны в практике ВС РФ за 2017 г. Основной вопрос, по мнению автора, сводится к определению вреда, а именно того, входит ли в его состав затруднительность осуществления права, созданная в результате незаконных действий органа власти. В 2017 г. разными коллегиями ВС РФ были высказаны противоположные позиции по этому вопросу, что открывает дискуссию между юристами. Также анализируется толкование причинной связи и незаконности действий органа власти. Причинная связь, как полагает автор, это вопрос конкретного дела, и на него нельзя ответить абстрактно; незаконность действий должна оцениваться по их результату, а не по формальному соблюдению чиновником нормы права. Статья представляет интерес для практикующих юристов, так как в том числе раскрывает тенденции судебной практики.

Ключевые слова: ответственность казны, деликтная ответственность государства

Постановка проблемы

Гражданско-правовые отношения частного лица с государством сложные: с одной стороны, в законе провозглашено участие публично-правовых образований в граж-

* Выражаем благодарность С. Будылину, А. Маркеловой и А. Моруге за ценные замечания к этой статье.

MARIA A. EROKHOVA

Associate Professor of
Civil Law and Business
Law Department at
the National Research
University Higher School
of Economics, PhD
in Law

CONDITIONS OF LIABILITY OF THE TREASURY FOR WRONGFUL ACTS BY PUBLIC BODIES. PROBLEMS OF INTERPRETATION BY THE RUSSIAN FEDERATION SUPREME COURT OF THE CIVIL CODE PROVISIONS IN 2017

The author exemplifies the interpretation of conditions of liability of the Treasury with the RF Supreme Court cases in the year 2017. The main issue is establishing harm and whether it involves implementation of the right being hampered the wrongful acts of public bodies. In 2017, different Supreme Court panels has taken opposing positions on the issue, thereby leading to legal debates. Causation and wrongful acts by public authorities are also analysed. While causation is a case-specific question that cannot be answered in an abstract manner; a wrongful act should be assessed in terms of its outcome rather than formal compliance with the rule of law by a government official. This paper is intended for practising lawyers as it reveals trends in judgment practice.

Keywords: liability of Treasury, state liability in tort

данских отношениях на равных началах с частными лицами (ст. 124 Гражданского кодекса (ГК) РФ), с другой — при решении конкретного спора представители казны нередко желают получить привилегию, обусловленную публичным интересом в сохранности бюджета, и даже, особенно на уровне муниципалитетов, уверяют, что взыскание денежных средств в пользу одного кредитора повлечет сокращение финансирования социальной сферы,

а именно медицины и образования. Современные судьи зачастую действуют, как их коллеги из средневекового Прованса и решения против суверена не принимают¹.

¹ К.И. Скловский пишет, что в средневековом Провансе судьи, вступая в должность, давали клятву не решать дело против правителей (*Скловский К.И. Повседневная цивилистика. М., 2017. С. 69*).

Как бы то ни было, несмотря на пессимистичную для кредиторов казны судебную практику последних лет, безответственность суверена — это явление прошлого. XX век ознаменован признанием казны (государства, суверена) возможным деликвентом². Советское, а ныне российское право не является исключением из общей мировой тенденции и, в частности, провозглашает в ст. 1069 ГК РФ ответственность казны за незаконные действия органов власти. При этом по смыслу ст. 1064 и 1069 ГК РФ условиями ответственности являются:

— наличие вреда;

— причинная связь между вредом и деянием представителя казны;

— незаконность этого деяния (за исключением предусмотренных законом случаев ответственности за правомерные действия).

Приведенные общие правила понятны, но иногда их толкование юристами различается: например, представитель истца видит причинную связь между убытками и действием ответчика, а судья — нет. Вероятно, причина этого кроется в слабости науки деликтного права в России³ и, как следствие, в разном уровне преподавания одних и тех же курсов в учебных заведениях. На фоне отсутствия теоретического осмысления проблем деликтного права возрастает значение судебной практики. Позиции судов, а не мнения ученых начинают играть роль ориентиров при решении конкретных споров.

² Подробнее см.: Флейшиц Е.А. Ответственность государства за вред, причиняемый должностными лицами // Избранные труды по гражданскому праву в 2 т. Т. 2 / отв. ред. А.Л. Маковский. М., 2015. С. 309–318; Eorsi G. Governmental Liability in Tort // International Encyclopedia of Comparative Law / ed. by A. Tuncs. Vol. XI. Tort. Tübingen, 1975. P. 4, 172–173.

³ В советский период было написано несколько книг по деликтному праву, среди них: Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М., 1951; Маслов В. Обязательства из причинения вреда. Харьков, 1961; Тархов В.А. Обязательства, возникающие из причинения вреда. Саратов, 1957; Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л., 1983; Иоффе О.С. Обязательства по возмещению вреда. Л., 1952. В настоящее время литературная картина стала еще скромнее, вспоминается только монография О.В. Михайленко (Михайленко О.В. Имущественная ответственность за вред, причиненный осуществлением публичной власти: теоретические аспекты и проблемы ее реализации на практике. М., 2007), остальные авторы предпочитают излагать свои мысли в статьях, а не книгах.

Задача настоящей статьи — продемонстрировать толкование условий ответственности казны в практике коллегий Верховного Суда (ВС) РФ за 2017 г. Несмотря на то, что правовые позиции коллегий Верховного Суда не являются общеобязательными, они весьма иллюстративны и отображают тенденции настоящего времени.

Абстрактные разъяснения высших судебных инстанций, в том числе постановления Пленума, напротив, часто не могут служить ориентиром для решения конкретного дела из-за чрезмерно общего характера.

Например, ВС РФ принял важное Постановление Пленума от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств» (далее — Постановление № 7), к которому желательно обращаться при выработке правовой позиции по иску о взыскании убытков, но искать в нем конкретики не следует. В нем, как и в законе, воспроизводятся условия ответственности, а детали остаются неясными. Это не значит, что Постановление недоработано, просто такова специфика жанра. Например, в п. 5 Постановления говорится, что «если возникновение убытков, возмещения которых требует кредитор, является обычным последствием допущенного должником нарушения обязательства, то наличие причинной связи между нарушением и доказанными кредитором убытками предполагается». Представим ситуацию: судебный пристав-исполнитель незаконно отменил свое постановление об аресте транспортного средства должника. Арест изначально был осуществлен без изъятия автомобиля, поскольку должник выполнял роль ответственного хранителя арестованной вещи (ч. 1–2 ст. 86 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»; далее — Закон об исполнительном производстве). Автомобиль как во время ареста, так и после его отмены находился на стоянке должника. В ночь после отмены ареста была гроза, молния попала в один из автомобилей, начался пожар, в результате которого сгорели все автомобили. Отвечает ли казна за незаконные действия судебного пристава-исполнителя в этом случае? Обратимся к п. 5 Постановления № 7: обычно, когда судебный пристав-исполнитель беспричинно снимает арест, а потом оканчивает исполнительное производство, его незаконные действия причиняют вред кредитору. Влекут ли эти обстоятельства презумпцию наличия причинной связи? Из п. 5 Постановления следует, что да. Означает ли это,

что если представители казны не будут опровергать презумпцию причинной связи, суд должен взыскать убытки с казны? Ответ на этот вопрос может дать судья при решении конкретного дела, абстрактное разъяснение оставляет неясность. Возможно, в Постановлении № 7 имелась в виду какая-то иная ситуация.

Хорошим источником, отражающим применение судами условий ответственности казны, является Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 31.05.2011 № 145 (далее — Информационное письмо № 145), которым был утвержден Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами.

Информационные письма как форма обеспечения единообразной практики ушла в историю с упразднением ВАС РФ. Преимуществом этой формы было включение в обзоры примеров решения конкретных дел, рассмотренных не только высшей, но и другими судебными инстанциями. В Информационном письме № 145 содержатся ответы на разные вопросы взыскания убытков с казны за незаконные действия органов власти на примере конкретных дел. Этот Обзор не отменен, поэтому может быть использован в качестве ориентира.

Сравним позиции об условиях ответственности, содержащиеся в Информационном письме № 145, с высказываниями коллегий ВС РФ, сделанными в 2017 г.

Вред как имущественные потери потерпевшего

По смыслу п. 11 Информационного письма № 145 вред — это имущественные потери. В этом пункте рассматривается случай, когда на счете должника было 250 тыс. руб.; судебный пристав-исполнитель, обеспечивая взыскание 500 тыс., вначале арестовал деньги на счете, а затем незаконно снял арест; должник перевел 250 тыс. другому кредитору. Суды взыскали с казны 250 тыс. руб. как вред, причиненный незаконными действиями судебного пристава-исполнителя, обратив внимание на то, что имущественная потеря истца составила 250, а не 500 тыс. руб., поскольку активов для взыскания всей суммы у должника не было.

Представление ВС РФ о вреде как имущественных потерях проиллюстрировано в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам от 24.07.2017 № 307-ЭС17-4742.

В этом деле кредитор выиграл дело о взыскании задолженности, получил исполнительный лист, однако должник принял решение о добровольной ликвидации. Затем в отношении него была возбуждена процедура банкротства.

Впреки ст. 47 Закона об исполнительном производстве судебный пристав не окончил исполнительное производство, что требуется в случае добровольной ликвидации должника, и не направил исполнительный лист ликвидационной комиссии, вместо этого списав денежные средства со счета должника в размере 1 259 254 руб. и перечислив их взыскателю. Впоследствии судебный акт, явившийся основанием для списания денег, был отменен вышестоящей инстанцией.

Должник обратился с иском к казне Российской Федерации о взыскании убытков, причиненных незаконными действиями судебного пристава, исполнившего судебный акт после решения о добровольной ликвидации. Суды этот иск удовлетворили, сославшись на то, что списание денежных средств произошло после возбуждения процедуры банкротства в отношении должника.

Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ судебные акты по делу отменила и пришла к выводу, что в данном случае на стороне должника отсутствовали имущественные потери, поскольку в момент списания денежных средств судебный акт о взыскании не был отменен и должник в любом случае должен был перечислить эти денежные средства кредиторам. Вывод об отсутствии имущественных потерь является ключевым для понимания вреда.

Далее Судебная коллегия отметила, что последствием незаконных действий судебного пристава явилось нарушение очередности удовлетворения требований кредиторов. Отсюда можно сделать вывод, что в иной ситуации, когда судебный акт о взыскании долга не был бы отменен, иск об убытках мог быть предъявлен кредиторами, но не должником.

Должнику в сложившейся ситуации остается ходатайствовать о повороте исполнения судебного акта,

а отсутствие этих денег у их получателя дает право потерпевшему на возбуждение процедуры банкротства. Таким образом, банкрот может начать процедуру банкротства своего должника, а «банкротная паутина» оплетет еще одну часть общества.

Вред как затруднительность осуществления права

Широкое представление о вреде приводит к включению в его состав не только имущественных потерь, но и затруднительности осуществления права, возникшей из-за незаконных действий органа власти.

Когда суд отказывает во взыскании убытков за незаконность действий судебного исполнителя и пишет, что возможность исполнения не утрачена, это значит отсутствие вреда, т.е. имущественных потерь у истца, так как у него есть право требования, подтвержденное решением суда. Если в таком случае суд убытки взыскивает, это широкий взгляд на вред: в его состав входит затруднительность осуществления права.

Впервые такой подход к пониманию вреда был продемонстрирован в Постановлении Президиума ВАС РФ от 03.11.2009 № 8974/09, когда судебный пристав незаконно снял арест с имущества должника, тут же подарившего это имущество другому лицу, и окончил исполнительное производство невозможностью исполнения, вернув при этом исполнительный лист взыскателю. Кредитор потребовал взыскания убытков с казны за незаконное снятие ареста судебным приставом, повлекшее неисполнение судебного акта, но суды в иске отказали, полагая, что возможность исполнения не утрачена, так как исполнительный лист у взыскателя, а значит, вред в виде имущественной потери отсутствует. Президиум ВАС РФ с такой логикой не согласился и пришел к выводу, что затруднение осуществления права из-за действия органа власти является разновидностью вреда, за который несет ответственность казна. Постепенно этот подход стал восприниматься арбитражными судами.

В январе 2017 г. похожая позиция о вреде в форме затруднительности осуществления права была высказана Судебной коллегией по гражданским делам ВС РФ. Согласно Определению от 24.01.2017 № 53-КГ16-30 гр-ка Наконечная В.А. выиграла дело в суде о взыска-

нии 674 тыс. руб. с ООО «Сибирский стиль». В ходе исполнительного производства судебный пристав не арестовал транспортные средства должника, но и не окончил исполнительное производство.

Взыскатель добилась в суде признания бездействия судебного пристава незаконным. Суды установили, что меры принудительного исполнения в виде обращения взыскания на имущество должника не принимались более 8 месяцев, при этом на момент возбуждения исполнительного производства — 1 августа 2013 г. — за обществом-должником значились зарегистрированными на праве собственности 9 единиц техники, которые были сняты с регистрационного учета только 5 сентября 2013 г.

После этого взыскатель обратилась с иском к казне о взыскании убытков за незаконное бездействие судебного пристава-исполнителя. Суды в иске отказали, ссылаясь на отсутствие имущественных потерь и наличие права на получение исполнения, однако коллегия судей ВС РФ направила дело на новое рассмотрение, сделав важный для понимания вреда вывод: само по себе продолжение исполнительного производства не является препятствием для возмещения убытков, причиненных взыскателю бездействием судебного пристава-исполнителя. Иными словами, следуя этой логике, затруднительность осуществления права на получение исполнения является разновидностью вреда (хотя прямо о затруднительности в тексте Определения не говорится). У взыскателя есть подтвержденное судебным актом право требования к должнику, и длительное неисполнение исполнительного листа из-за бездействия судебного пристава является разновидностью вреда.

Меньше чем через месяц после этого дела похожий вопрос оказался на рассмотрении Судебной коллегии по экономическим спорам. Из Определения от 15.02.2017 № 305-ЭС16-14064 видна следующая картина, которую блестяще проанализировал С. Будылин⁴ и прокомментировал А. Ягельницкий⁵.

⁴ Будылин С. Дело о судебном приставе // «Центр правовой поддержки бизнеса» против ФССП // Закон.ру. 2017. 6 сент. URL: https://zakon.ru/blog/2017/9/6/delo_o_prestupnom_pristave__centr_pravovoj_podderzhki_biznesa_protiv_fssp (дата обращения: 11.10.2017).

⁵ Ягельницкий А.А. К вопросу о вине потерпевшего. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15.02.2017 № 305-ЭС16-14064 // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 3.

Директор поручился за возглавляемое им общество перед арендодателем. Когда задолженность общества превысила 6 млн долл., кредитор предъявил иск к поручителю в суд общей юрисдикции, а также к основному должнику и к поручителям — юридическим лицам в арбитражный суд. Суд общей юрисдикции принял обеспечительные меры и арестовал активы поручителя-гражданина; определение суда об аресте было исполнено службой судебных приставов путем ареста земельных участков поручителя. Суд первой инстанции иск кредитора удовлетворил и успел выдать исполнительный лист⁶. В ходе начатого по этому листу исполнительного производства судебный пристав повторно арестовал имущество поручителя⁷. Суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменил и отозвал исполнительный лист, но тут же принял новое решение в пользу истца, которое стало основанием для выдачи нового исполнительного листа.

Судебный пристав прекратил исполнительное производство по отозванному листу, снял арест с земельных участков (хотя не имел права этого делать, поскольку судьба обеспечительных мер не была решена и обеспечительный судебный арест должен был остаться), вернул лист в суд. Однако тут же на исполнение к приставу поступил новый лист против того же должника, по которому снова был арестован тот же актив. Новое постановление об аресте имущества было направлено в Росреестр по почте. До поступления повторного постановления об аресте в Росреестр должник продал актив по низкой цене и, видимо, не получил оплату (так как средства на его счете не появились). Впоследствии действия судебного пристава по снятию ареста вопреки судебным обеспечительным мерам были при-

знаны незаконными, в отношении пристава возбуждено уголовное дело. Из-за того, что судебный акт о взыскании задолженности с поручителя не был исполнен, взыскатель предъявил иск к казне о взыскании убытков за незаконные действия судебного пристава, которые повлекли неисполнение судебного акта.

Судебная коллегия по экономическим спорам в удовлетворении иска отказала по ряду причин. Основными из них являются две: 1) пассивность взыскателя, который несвоевременно (через два года) начал оспаривать отчуждение имущества должником и имел возможность самостоятельно представить в Росреестр постановление судебного пристава-исполнителя об аресте имущества; 2) отсутствие на стороне взыскателя имущественных потерь: взыскатель по-прежнему имеет право на получение задолженности от основного должника или от поручителей. Затруднительность исполнения, созданная в результате действий органа власти, не была в этом деле признана имущественной потерей.

Таким образом, в практике коллегий ВС РФ не сложилось единообразия взглядов по вопросу о том, что такое вред и входит ли в его состав затруднительность осуществления права, созданная органом власти. Однако противоречия порождают способную привести к истине дискуссию, в данном случае — о том, является ли затруднительность осуществления права разновидностью вреда⁸.

Размер вреда

Коллегии ВС РФ пока не высказались по этому вопросу, однако хорошей иллюстрацией проблемы служит Постановление Президиума ВАС РФ от 16.04.2013 № 17450/12. В этом деле взыскатель требовал от казны возмещения убытков за утрату автомобиля, переданно-

⁶ Видимо, апелляционная жалоба была подана в последние дни срока по почте, поэтому в день истечения срока на подачу жалобы ее не было в суде, и суд выдал исполнительный лист, полагая, что решение вступило в силу. Иначе невозможно объяснить, почему был выдан исполнительный лист и одновременно началось апелляционное производство. В п. 30 Постановления Пленума ВС РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» предлагается в таких случаях приостанавливать исполнительное производство и не отзываться листы, чтобы не прекращалось исполнительное производство и снимались аресты. Данное дело, помимо прочего, демонстрирует отношение судов общей юрисдикции к постановлениям Пленума ВС РФ.

⁷ Обращаем внимание: это второй арест земельных участков, первый был произведен на основании определения суда о принятии обеспечительных мер.

⁸ А. Ягельницкий и С. Будылин критически оценили позицию об отсутствии вреда у взыскателя, когда из-за незаконных действий судебного исполнителя решение суда не исполнено, но сохранилась возможность альтернативной защиты (Ягельницкий А.А. Указ. соч.; Будылин С. Указ. соч.). А. Сабиров высказал противоположное мнение (Сабиров А. Спор перешел в стадию исполнительного производства. Три аргумента, почему взыскатель должен проявить активность // Арбитражная практика. 2017. № 8. С. 56–63). Изучение всех статей показывает развитие в понимании вреда, что можно только приветствовать.

го на ответственное хранение. Как установили суды, в пользу банка была взыскана задолженность в размере 306 184 руб. и обращено взыскание на автомобиль стоимостью 381 900 руб. При передаче на ответственное хранение автомобиль пропал. Иных активов у должника не было, поэтому судебный пристав-исполнитель окончил исполнительное производство. Примерно через два года взыскатель обратился в суд с иском о взыскании убытков с казны в размере 381 900 руб. за незаконные действия судебного пристава, который не принял меры к сохранности имущества, что повлекло неисполнение судебного акта. Суд кассационной инстанции в иске отказал на том основании, что истец не доказал неизменности стоимости автомобиля за три года. Суд исходил из того, что казна отвечает в объеме стоимости имущества, которое было бы продано с торгов. Однако автомобиль был потерян три года назад, и за это время его стоимость изменилась, а следовательно, и размер убытков, причиненных казной, меньше, чем заявленная в иске сумма. Президиум ВАС РФ отменил акт кассационного суда и высказал правовую позицию, включенную впоследствии в п. 5 ст. 393 ГК РФ, о необходимости суду определить размер убытков на основе принципов справедливости и соразмерности гражданской ответственности. Иными словами, истец не обязан доказывать размер убытков до последнего рубля. Его задача — доказать размер убытков с разумной степенью достоверности, а при невозможности этого размер убытков должен определять суд на основе принципов справедливости и соразмерности ответственности последствиям нарушения права. При этом, когда у должника имеется имущество на меньшую сумму, чем присуждено взыскателю, ориентиром для определения размера убытков, причиненных незаконными действиями судебного пристава, служит стоимость имущества должника, которое мог бы реализовать судебный пристав, однако это оказалось невозможным из-за его незаконных действий или бездействия. Как отмечалось в Информационном письме № 145, если стоимость имущества должника составляла 250 тыс. руб., а исполнительный лист был выдан на 500 тыс. руб. и судебный пристав упустил актив, убытки равны 250 тыс. руб.

Причинная связь между вредом и деянием ответчика

Понятие причинной связи — это *terra incognita* российского деликтного права. Нередко истцу представляет-

ся, что вред возник из-за действий ответчика, поэтому он требует взыскания, однако суды в отказных решениях зачастую пишут про отсутствие причинной связи, не раскрывая, что понимается под причинностью в целях разрешения конкретного дела.

В упомянутом выше деле о преступном приставе (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 15.02.2017 № 305-ЭС16-14064) суд, отказывая во взыскании, сослался, по сути, на отсутствие причинной связи: вред возник не из-за действий судебного пристава, снявшего арест, а из-за пассивности кредитора, который своевременно не представил постановление об аресте в Росреестр и не интересовался записями о праве в период конфликта.

В деле гр-ки Наконечной В.А. (Определение Судебной коллегии по гражданским делам от 24.01.2017 № 53-КГ16-30) суд, напротив, увидел причинную связь между бездействием пристава и убытками взыскателя, возникшими из-за неисполнения судебного акта.

В Информационном письме № 145 несколько пунктов были уделены иллюстрациям причинной связи. Так, в п. 10 была изложена история про то, как пристав изъял имущество должника и передал на ответственное хранение, а оно погибло; суд взыскал убытки с казны, поскольку вещь погибла из-за передачи приставом на ответственное хранение. Это ответственность не за незаконное действие, а за неисполнение обязательства по сохранности вещи, которое пристав принимает на себя, передавая вещь на ответственное хранение.

В п. 11 было упомянуто дело о незаконном снятии пристава ареста с имущества, в результате которого должник получил возможность свободно распоряжаться имуществом, а кредитор вследствие такого распоряжения утратил надежду на получение исполнения. Суд пришел к выводу, что утрата возможности немедленного исполнения судебного акта — это имущественный вред, и вызван он действиями судебного пристава, снявшего арест. Наиболее яркий пример причинной связи можно обнаружить в п. 13, когда орган власти опубликовал информацию о некачественном товаре производителя, а контрагенты последнего на этом основании отказались от сделок с ним. Производитель доказал ошибку органа власти и качество своего товара, в результате суд взыскал убытки с казны.

Невозможно абстрактно рассуждать о причинной связи, а уж тем более дать ей определение: в нем неизбежно будут не дающие понимания общие слова, поскольку причинность — это всегда вопрос конкретного дела. Значит, для осознания причинной связи особую ценность представляют примеры из практики.

Незаконность действий органа власти

По общему правилу противоправность и вина являются условиями ответственности (ст. 1064 ГК РФ), но для казны эти понятия заменены на термин «незаконность действий органа власти». В свое время Е. Флейшиц отмечала, что ответственность государства за незаконные, а не противоправные и виновные действия представляет собой расширение ответственности казны по сравнению с ответственностью иных лиц, поскольку деликтная ответственность обычно наступает при условии вины⁹. В настоящее время незаконное действие, совершаемое органом власти, скорее всего является и виновным, поэтому складывается впечатление о синонимичности этих терминов (незаконности, с одной стороны, и противоправности/вины — с другой). Смысл сводится к одному явлению: так, как поступил деликвент, в правопорядке делать нельзя, и представитель казны должен был об этом знать.

Большим правовым достижением во благо людей можно назвать практику арбитражных судов, сложившуюся к концу 2000-х гг. и отраженную в п. 4 Информационного письма № 145, об отсутствии необходимости потерпевшему признавать незаконными в отдельном судебном процессе действия или ненормативный акт органа власти. Долгое время господствовала обратная судебная практика, и для ее изменения потребовались большие усилия.

Рассмотрим простой пример: судебный пристав снял арест с имущества должника. Взыскатель не обращался за признанием действий судебного пристава по снятию ареста незаконными, но подал иск о взыскании убытков из причинения вреда. Вправе ли суд, рассматривая дело о взыскании убытков, оценить действия

пристава как законные или незаконные? Долгое время суды давали отрицательный ответ на этот вопрос, полагая, что только судья из административной коллегии вправе дать оценку действиям власти, но ситуация изменилась. Любопытно, что на практике потерпевшие от органов власти, как правило, начинают защиту прав с оспаривания действия органа власти. Во всех приведенных делах ВС РФ заявители обращались с заявлениями об оспаривании действий органа власти и только после положительного решения выходили с исками об убытках. Видимо, это дань традиции или, как предположил С. Будылин, экономия на госпошлине.

Удачный обзор проблем незаконности действий органов власти приведен в статье А. Маркеловой¹⁰. Автор отождествила незаконность действий органа власти и противоправность, а далее проанализировала оценку судом противоправности действий органа власти. Она обратила внимание на то, что противоправность — это нарушение не конкретной нормы, а общих принципов права, и она должна оцениваться с точки зрения результата, а не усилий чиновника. При обсуждении дела о преступном приставе¹¹ С. Будылин сформулировал интересную проблему: можно упростить фабулу дела о преступном приставе, забыть о незаконно снятом обеспечительном аресте и представить, что, получив от суда отзыв прежнего исполнительного листа и новый исполнительный лист, пристав выпустил постановление о снятии и повторном наложении ареста одновременно, но первое в тот же день отнес в Росреестр, а второе в предписанный законом срок отправил почтой. Именно в этот разрыв между доставками в Росреестр двух постановлений успел уложиться должник, продав недвижимость. Формально пристав выполнил все требования закона, так что вряд ли его действия можно назвать незаконными. Между тем пристав действовал в ущерб взыскателю, не проявил разумной осмотрительности в соблюдении его интересов¹².

С точки зрения предлагаемой А. Маркеловой оценки противоправности по критериям нарушения прин-

⁹ Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. С. 327.

¹⁰ Маркелова А.А. Государственный орган причинил вред. Как доказать противоправность и взыскать убытки // Арбитражная практика. 2017. № 8. С. 74–85.

¹¹ Подробно разобрано выше, см.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15.02.2017 № 305-ЭС16-14064.

¹² Рассуждения С. Будылина, возникшие при прочтении этой статьи.

ципов права и результата, такие действия пристава оказываются незаконными. Они нарушают принцип приложения максимальных усилий для исполнения судебного акта и приводят к неправомерному результату — продаже активов должником. Иными словами, пристав совершил незаконные действия не путем нарушения конкретной нормы, а посредством создания недопустимого результата.

Подводя итог анализу ярких дел ВС РФ по вопросу взыскания убытков с казны, можно сделать вывод, что в 2017 г. основной вопрос деликтного права сводился к определению вреда, а именно выяснению того, входит ли в его состав затруднительность осуществления права, возникающая в результате незаконных действий органа власти. Практика по этому вопросу оказалась разной, но именно это обстоятельство привлекает к проблеме внимание юристов и заставляет задуматься, как должен решаться этот вопрос по праву.

References

Budylin, S. “The Case of a Bailiff // ‘The Centre for Business Legal Service’ vs Federal Bailiff Service” [*Delo o sudebnom pristave // “Tsentri pravovoy podderzhki biznesa” protiv FSSP*]. Zakon.ru. September 6, 2017, available at: https://zakon.ru/blog/2017/9/6/delo_o_prestupnom_pristave__centr_pravovoj_podderzhki_biznesa_protiv_fssp (accessed 11 October 2017).

Fleyshits, E.A. “State Liability for Damages Infringed by State Authorities” [*Otvetstvennost’ gosudarstva za vred, prichinyaemyy dolzhnostnyimi litsami*], in: Makovskiy, A.L. (ed.). Selected Works on Civil Law in 2 vol. Vol. 2 [*Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu v 2 t. T. 2*]. Moscow, 2015. P. 309–318.

Fleyshits, E.A. Tort Obligations and Obligations Arising from Unjust Enrichment [*Obyazatel’sstva iz prichineniya vreda i neosnovatel’nogo obogashcheniya*]. Moscow, 1951. 239 p.

Ioffe, O.S. Tort Obligations [*Obyazatel’sstva po vozmeshcheniyu vreda*]. Leningrad, 1952. 126 p.

Markelova, A.A. “Damage on the Part of Public Authorities: Proof and Recovery” [*Gosudarstvennyy organ prichinil*

vred. Kak dokazat’ protivopравnost’ i vзыskat’ ubytki]. The Commercial Litigation Review [*Arbitrazhnaya praktika dlya yuristov*]. 2017. No. 8. P. 74–85.

Maslov, V. Tort Obligations [*Obyazatel’sstva iz prichineniya vreda*]. Kharkiv, 1961. 103 p.

Mikhaylenko, O.V. Financial Liability for Damages Caused by Public Authorities: Theoretic Aspects and Issues of Its Realisation [*Imushchestvennaya otvetstvennost’ za vred, prichinenny osushchestvleniem publichnoy vlasti: teoreticheskie aspekty i problemy ee realizatsii na praktike*]. Moscow, 2007. 352 p.

Sabirov, A.M. “Dispute Has Come Up to Enforcement Proceedings. Three Arguments: Why Should the Recover be Active?” [*Spor pereshel v stadiyu ispolnitel’nogo proizvodstva. Tri argumenta. Pochemu vзыskatel’ dolzhen proyavlyat’ aktivnost’*]. The Commercial Litigation Review [*Arbitrazhnaya praktika dlya yuristov*]. 2017. No. 8. P. 56–63.

Sklovskiy, K.I. Common Civil Law [*Povsednevnyaya tsivilistika*]. Moscow, 2017. 288 p.

Smirnov, V.T. and Sobchak, A.A. General Theory of Tort Obligations in Soviet Civil Law [*Obshchee uchenie o deliktnykh obyazatel’stvakh v sovetskom grazhdanskom prave*]. Leningrad, 1983. 152 p.

Tarkhov, V.A. Tort Obligations [*Obyazatel’sstva, vznikayushchie iz prichineniya vreda*]. Saratov, 1957. 121 p.

Tuncs, A. (ed.). International Encyclopedia of Comparative Law. XI. Tort. Tübingen, 1975.

Yagel’nitskiy, A.A. “Contributory Fault Revisited” [*Kommentariy k Opredeleniyu Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam VS RF ot 15.02.2017 № 305-ES16-14064*]. Herald of the Economic Justice of the Russian Federation [*Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF*]. 2017. No. 3. P. 21–26.

Information about the author

Maria A. Erokhova

Associate Professor of Civil Law and Business Law Department at the National Research University Higher School of Economics, PhD in Law (e-mail: merohova@hse.ru).